

Блиц-интервью: философы о понимании

На вопросы журнала «ЗИНОВЬЕВ» по специальной теме номера «Мыслящий мир» отвечают: авторитетный российский философ, один из крупнейших специалистов в области теории познания, д.ф.н., академик РАН Владислав Лекторский и главный редактор сайта «Censura.Ru», к.ф.н., переводчик философских текстов, независимый исследователь, координатор Московского философского колледжа Дмитрий Кралечкин.

Владислав Лекторский
философ, академик РАН (Россия)

Банкротство разума означает самоубийство человека

— Владислав Александрович, что же такое «понимание»?

В.Л.: В прошлом в философии термины «понимание» и «познание» не особенно отличались по смыслу. Недаром классические трактаты по теории познания назывались «Опыты о человеческом понимании», «Человеческое понимание». В 20 в. некоторые философы предложили к пониманию относить только постижение человеческой реальности: мира культуры и сознания — как другого человека, так и собственного, а к познанию постижение явлений природы. Подобное разграничение познания и понимания предполагает, что между постижением природного мира и мира человека существует принципиальное отличие. Я не нахожу такового, хотя признаю, что некоторые особенности в постижении человеческой реальности существуют. Поэтому для меня понимание — это на самом деле то же самое, что познание, осмысление.

— Что происходит с современным человечеством, понимает ли оно мир, время и общество, в котором живёт?

В.Л.: Огромные достижения в развитии науки и техники, вступление наиболее развитых стран в

т.н. «общество знания», возможность решения тех проблем, которые совсем недавно казались недостижимыми, в действительности не означает возникновения «цивилизации разума», о которой мечтали лучшие умы человечества. Удаётся успешно решать отдельные конкретные задачи, но в целом происходящий в мире процесс оказывается всё более хаотичным и ускользающим из-под контроля. Удаётся разрабатывать большие мега-проекты, но их отдалённые последствия всё сложнее просчитать. И главное не ясно, в какую траекторию выстраивается движение по пути решения отдельных задач, каковы те конечные ориентиры, в направлении которых нужно двигаться. Мир становится всё более запутанным, ускользающим от понимания, а человек всё более чувствует себя орудием неподвластных ему сил

— Располагаем ли мы сегодня культурным и интеллектуальным арсеналом, который позволил бы выйти из тупика?

В.Л.: Существует популярная (в мире и в нашей стране) точка зрения, согласно которой разум обанкротился. Поэтому человек не может рационально понять ни самого себя, ни те процессы, которые он породил. В соответствии с этой позицией наука о человеке и обществе невозможна. Сторонники подобной точки зрения считают, что в этом нет ничего плохого: люди должны не думать, а играть и развлекаться. В действительности принятие такой установки означает самоубийство человека. Об этом предупреждал А.А.Зиновьев в своей последней книге «Фактор понимания». Его позиция была принципиально иной: именно понимание человеком самого себя и своего мира является неременным условием

выживания. И А.А.Зиновьев продемонстрировал возможность такого понимания своими социологическими, философскими и логическими работами. По этому пути и нужно идти. Нельзя сказать, что у нас много исследований такого рода. Но люди, знающие необходимость такого понимания, существуют в мире, в том числе и в нашей стране. Это значит, что подобные исследования сегодня должны быть приоритетны. И их результаты

должны быть доведены до широкой общественности и до тех, кто принимает политические и экономические решения. Как это сделать? У меня нет ответа на этот вопрос. Но то, что речь идет о жизни или смерти человечества, вне всякого сомнения. То, что сделал А.А.Зиновьев, это как раз и есть вклад в тот интеллектуальный арсенал, который может помочь выходу из тупика.

Дмитрий Кралечкин
философ, к.ф.н., главный редактор
сайта «Censura.Ru» (Россия)

Мы балансируем между пропастью и тупиком

— Что такое «понимание»?

В элементарной форме пониманием можно считать любую успешную попытку перевода чего бы то ни было на собственный язык или даже в термины собственного «жизненного мира». То есть понимание — это элемент праксиса, и в этом смысле оно не обязано ограничиваться собственно «человеческим» миром (например, домашние животные вполне понимают поведение хозяина). С другой стороны, понимание становится проблемой, когда обозначаются границы того или иного опыта понимания, то есть когда становится ясно, что понятно не всё, не до конца и без каких-либо гарантий. Собственно, гуманитарные науки были построены, прежде всего, на проблематизации понимания: когда оно перестало быть автоматическим, возник горизонт понимания как задачи. То есть, чтобы продуктивно понимать, надо понимать собственное непонимание.

— Что происходит с современным человечеством, понимает ли оно мир, время и общество, в котором живет?

Вопрос о «человечестве» как таковом всегда грешит либо представлением такового человечества как единого субъекта действия, который чего-то хочет, к чему-то стремится, что знает и т. д., либо полаганием возможности смотреть на человечество как на объект, некое природное явление, что-то вроде большого муравейника. Но «человечество» как феномен — то, что закрывает возможность и «трансцендентального» человечества, и «объективно-научного», данного как физическая или социологическая реальность. Только если эти иллюзии развенчаны, возможно человечество как исторический и практический субъект. Юмор си-

туации, однако, в том, что эти иллюзии (о самом себе) человечество продолжает — в изрядной степени — разделять, поэтому оно «всё понимает», понимает, как правило, совершенно безапелляционно и тотально. Люди сохраняют склонность моделировать понимание самих себя либо по божественной модели, либо по объективистской. То есть за понимание принимаются институционализированные, закрепленные в культуре формы непонимания. Если огрублять ситуацию, можно сказать, что человечество любит понимать себя в бытовом смысле: одновременно как всего-навсего «очень большого человека», структурно подобного идеальному самопрозрачному индивиду, и как объект научного наблюдения.

— Располагаем ли мы сегодня культурным и интеллектуальным арсеналом, который позволил бы выйти из тупика?

В этом вопросе проблемой является, скорее, не наличие искомого арсенала, а статус тех «мы», которые могли бы таковым арсеналом воспользоваться. Никакой арсенал сам по себе не является залогом радикальных социальных изменений. Великие культуры не спасали цивилизации и политические системы от гибели. По сути, только структуризация определенного субъекта политических и социальных действий позволяет увидеть в тех или иных знаниях, техниках и т. п. «арсенал», а не просто «культурную свалку». Возможно даже, что арсеналом будет совсем не то, что нам кажется наиболее подходящим эффективным инструментом сегодня. Опять же, не стоит преувеличивать негативные качества «тупика». Действительно, политические и экономические системы последних двух столетий (от демократий девятнадцатого века до социального государства и далее) были построены на балансировании внутри тупика, но нет гарантий, что прорыв за его пределы не будет еще более ужасным, чем бесконечное уравнивание за счет микроэкономики и микроменеджмента различных политических и социальных средств. Собственно, то, что в последние два века называлось «современной ситуацией», практически всегда описывалось метафорами «тупика» и «пропасти»: адепты теории пропасти всегда смотрят на героев тупика с некоторым подозрением. Но в действительности мы балансируем между пропастью и тупиком.